

вашия Никитина в Индии.⁴⁰ Отмечая противоречие между двумя известиями о взятии Гоа, Мишев писал, что их трудно примирить за неимением других современных данных. Оказывается, такие данные скрывались в самих записках путешественника.

Подтверждение свидетельств русского очевидца там, где его рассказ расходится с Ферришты, находим в хронике «Бурхан-и-мадсир», опубликованной после смерти Мишаева. Ее автор — Али ибн Азизулла Таби Табан — современник Ферришты. Как и Никитин, он отмечает, что поход, закончившийся триумфальным возвращением Махмуда Гаваи, длился два года, называет цель последнего похода, сообщая о совете у шаха, на котором Махмуд Гаваи объявил, что присоединит не только Белгаум, но все государство Виджаянагар.⁴¹

Таким образом, записки Никитина дополняют и уточняют индийские источники, а хроники Индии подтверждают свидетельства русского путешественника о событиях во время пребывания в стране в 1471—1474 гг.

Ю. Г. АЛЕКСЕЕВ

СТАТЬИ О «ВДАЧЕСТВЕ»

(опыт терминологического анализа древнерусских юридических текстов)

Содержащийся в Пространной Правде текст «А в даче не холоп, ни по хлебе робоят, ни по придатце» (ст. 111 по академическому изданию Русской Правды) давно привлекает внимание историков.¹ Этот текст дает основание говорить о наличии в древней Руси особой формы зависимости, называемой большинством исследователей «вдачеством». Однако специальные работы, посвященные вдачеству, отсутствуют. Более того, в исследованиях как по истории раннефеодальной Руси, так и по истории русского крестьянства вдачество занимает обычно весьма скромное место.² Тем не менее это явление представляется отнюдь не лишним интереса на фоне общей картины развивающегося феодального общества.

⁴⁰ Так, Никитин пишет, что шаху «20 лет» (17), но если он был в стране в 1469—1472 гг., то шаху было от 15 до 18 лет (210); возраст указан на 1473—1474 г.

⁴¹ См.: К и н о J. S. The history of the Bahmani dynasty founded on the Burhān-i Maʿsūr. London, 1900, p. 103, 106.

¹ См.: Правда Русская, т. II. М.—Л., 1947, с. 708—715.

² Большое внимание ему уделяли в новейшей историографии только Е. А. Романов и А. А. Зимин.

Необходимым предварительным условием для постановки вопроса о вдавности как социальной категории являются палеографические и текстологические наблюдения над рукописями, содержащими интересующие нас сведения.

Текст ст. 111 встречается во всех известных списках Пространной Правды — всех групп, видов и подвидов, что свидетельствует о большой древности этого текста: он читался в протографе самых ранних списков Правды, т. е. существовал уже во всяком случае в начале XIII в., а вероятно, и раньше.³

Не менее существенно, что во всех списках Правды рассматриваемый текст занимает всегда одно и то же место — после текста об обельных холопах (ст. 110) и перед текстом о бегстве холопа (ст. 112). Это говорит, во-первых, об устойчивости структуры соответствующего раздела Правды, во-вторых, о тесной связи рассматриваемого текста с текстами об обельном холопстве и беглом холопе. По-видимому, эти тексты были сформулированы и записаны одновременно.

Во всех списках Правды наш текст составляет органическую часть главы «О холопстве», в состав которой входят (по принятому ныне делению) статьи 110—121. Но, входя во всех случаях в состав этой главы и занимая в ней всегда одно и то же место, рассматриваемый нами текст выглядит тем не менее не всегда одинаково.

В Мерилах Праведных, т. е. в списках Троицкого вида Пространной Правды, текст ст. 111 передается, как правило, в строку, без какого-либо выделения из всей главы о холопстве.⁴

В Синодальной Кормчей статья начинается с новой строки, но без киноварной заглавной буквы, которой выделяются в этом списке все статьи, имеющие самостоятельное значение.⁵ Таким же образом, т. е. без всякого подзаголовка, передается текст статьи и в других кормчих.⁶ По-видимому, в протографе

³ В новейшей историографии М. И. Тихомиров и Л. В. Черепнин относят позиционно протограф Пространной Правды к началу XIII в., связывая его оформление с полгородским восстанием 1209 г. (Тихомиров М. И. Исследование о Русской Правде. М.—Л., 1941, с. 229; Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда. — В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М.—Л., 1965, с. 270—278); А. А. Зимин считает, что Правда как единый свод законов сложилась уже по времени Владимира Мономаха (Зимин А. А. Феодалная государственность и Русская Правда. — Истор. записки, 1965, т. 78, с. 261—275). По мнению С. В. Юшкова, Устав Владимира Мономаха, содержащий ст. 111, возник в 1113 г. (Юшков С. В. Русская Правда. М., 1950, с. 335).

⁴ ГБЛ, Троицкое собрание, № 15, л. 343; см.: Правда Русская, т. III. М., 1963, с. 65; Мерило Праведное. М., 1961, с. 657.

⁵ ГИМ, Синод. собрание, № 132, л. 826 об.; см.: Правда Русская, т. III. с. 98.

⁶ См.: Правда Русская, т. III, с. 118 (Полгородско-Софийская Кормчая), с. 146 (Рогожская Кормчая), с. 213 (Розенкамповский список), с. 251 (Ферришопский список).

списков этот текст не был ничем выделен и воспринимался порописочками в одном контексте со всей главой. В этом отношении представляют интерес текст Пространной Правды, дошедший в составе Мясниковской Кормчей. Здесь глава о холопстве, выделенная, как и вообще во всех списках, общим киноварным заголовком, содержит дальнейшие подразделения, выделяемые киноварными заглавными буквами: 1) «Холопство обелмое трое. . .», 2) «А второе холопство. . .», 3) «А се третье холопство. . .», 4) «Аще холоп где кун вложить. . .», 5) «Аже кто пустить холопа в торг. . .».⁷

Таким образом, в этом списке (может быть, и в его протографе) глава «О холопстве» делится на статьи (чего мы не наблюдаем в других списках, связанных с Кормчими). Однако текст ст. 111 не выделяется в самостоятельную статью, а оказывается слитым со статьей о третьем холопстве. В Соловецкой Кормчей 1493 г., в списке Пространной Правды, близком к Мясниковскому, глава «О холопстве» оказалась разбитой на три статьи: 1) «Холопство обелмое трое. . .», 2) «А второе. . .», 3) «А се третье. . .».⁸ Как видим, и здесь текст ст. 111 не получил самостоятельного значения. Итак, общей чертой Синодально-Троицкой группы, т. е. списков, дошедших в составе Мерила Праведных и Кормчих Книг, является то, что интересующий нас текст не выделен в особую статью, а слит либо со всей главой «О холопстве», либо с предыдущей статьей о третьем холопстве.

Пушкинский сборник также передает текст ст. 111 в одном контексте со всей главой о холопстве, которая в этом списке вообще не разбита на статьи.⁹

Археографический список Пространной Правды выделяет в главе только две статьи: 1) «А холопство. . .», 2) «А се третье холопство. . .»; ко второй статье отнесен и интересующий нас текст.¹⁰ Точно так же передает текст ст. 111 и Погодинский список.¹¹ Соловецкий V список передает главу «О холопах» без разделения на статьи.¹² Таким образом, и списки Пушкинско-Археографической группы, т. е. списки, дошедшие в составе юридических сборников, не связанных непосредственно с Мерилами и Кормчими, не выделяют интересующего нас текста, в этом отношении они аналогичны спискам, сохранившимся в Мерилах и Кормчих. Отсюда можно сделать общий вывод: в основных (по определению В. П. Любимова) и наиболее древних группах

⁷ ГПБ, собр. Берсенева, Ф. II, № 119, л. 143, 143 об.; см.: Правда Русская, т. III, с. 167—168.

⁸ ГПБ, Соловецкое собрание, № 968/858 (далее — Соловецкий сборник), л. 569 об., 570.

⁹ ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. V, рубрика 1, № 1 (далее — Пушкинский сборник), с. 38; см.: Правда Русская, т. III, с. 311.

¹⁰ Архив ЛОИИ СССР, колл. 11, № 240 (далее — Археографический сборник), л. 290; см.: Правда Русская, т. III, с. 345.

¹¹ ГПБ, собр. Погодина, № 1572, л. 26 об.

¹² Соловецкий сборник, л. 586.

списков Пространной Правды текст ст. 111 самостоятельного значения не имел.

В наиболее старом (по В. П. Любимову) списке Карамзинской группы — Троицком IV — текст ст. 111 выделен в начале и в конце особым разделительным знаком.¹³ Эта рукопись вообще не имеет киноварных заголовков и букв, поэтому выделение статьи особым знаком может рассматриваться как эквивалент киноварного подзаголовка.

В списке Оболенского глава «О холопстве» делится на статьи киноварными заглавными буквами. Текст о вдаче передан в виде двух статей — четвертой («А вдачь на холоп. . .») и пятой («А и на по хлебу. . .») по счету. Далее идет шестая статья — «Аще кто перепметь. . .».¹⁴

В Карамзинском списке глава «О холопстве» делится на четыре статьи: 1) «А холопство. . .», 2) «А се третие холопство. . .», 3) «А и на по хлебу. . .», 4) «Аще кто перепметь. . .».¹⁵ Здесь, таким образом, текст ст. 111 оказался разорванным, но всей вероятности по ошибочности переписчика. Однако характерно, что, хотя первая фраза искусственно слилась со статьей о третьем холопстве, основная часть текста образовала самостоятельную статью.

В Музейском списке текст о вдаче образует отдельную статью, стоящую между статьей о третьем холопстве и статьей «Иже холоп бежит. . .».¹⁶ Таким образом, в отличие от списков Оболенско-Карамзинского вида, текст о вдаче здесь отделен как от статей об обельном холопе, так и от статей о беглом холопе. Аналогичным образом передан этот текст и в других списках Музейского вида — Бальзеровском¹⁷ и Воронцовском.¹⁸ В Толстовском списке статья о вдаче также отделена от статьи о третьем холопстве, однако конец ее сливается с текстами о беглом холопе.¹⁹

Следовательно, в отличие от основных и старых групп списков Пространной Правды, более молодая Карамзинская группа содержит в своих списках более или менее отчетливое выделение текста о вдаче в самостоятельную статью.

Однако различие между списками Правды в передаче текста ст. 111 не исчерпывается только структурой этого текста. Не меньшее значение имеет и передача терминов статьи, прежде всего

¹³ ГБЛ, Троицкое собрание, № 765, л. 13; см.: Правда Русская, т. III, с. 367.

¹⁴ ЦГАДА, Гос. древлехранение, отд. V, рубрика 2, № 3, л. 130; см.: Правда Русская, т. III, с. 421.

¹⁵ ГИИ, Q.IV.298, л. 153.

¹⁶ ГИМ, Музейское собрание, № 1009, л. 195 об.; см.: Правда Русская, т. III, с. 466.

¹⁷ Архив ЛОИИ СССР, колл. 11, № 23, л. 85 об.

¹⁸ БАН, 34.2.31, л. 190 об.

¹⁹ ГПБ, F.IV.211, л. 78.

ее основного термина, ее грамматического и логического субъекта.

Списки Синодально-Троицкой группы и здесь проявляют большое единодушие: почти во всех списках начальные слова статьи читаются «А в даче. . .». В некоторых списках встречается явно искаженное чтение: «в дале»,²⁰ «двачи»,²¹ «в чаде».²² Весьма любопытное, но тоже искаженное чтение «А вда чепу» встречается в Мясниковском списке, а близкое к нему «вда цепу» — в Чудовском²³ (оба списка Мясниковского вида). Эти искажения текста не в меньшей мере, чем основное чтение, свидетельствуют о главном факте: в протографах списков Синодально-Троицкой группы текст ст. 111 не имел грамматического подлежащего — читалось «А в даче. . .». Текст был сконструирован в строго негативном плане: тот, кто получил «дачу», никак не был назван, текст только устанавливал, что он — «но холоп». В такой редакции текст носил явно вспомогательный, подчиненный характер и не годился в качестве отдельной статьи. С этим и связано обязательное слияние его с предыдущим текстом о холопстве, в котором субъект выступает более отчетливо.

Списки Пушкинско-Археографической группы текст ст. 111 передают по-разному. Выделяется чтение Пушкинского сборника — «А вда цепу», близкое к чтению Мясниковского и Чудовского списков. В Соловецком V списке читается явно ошибочное «в дале цо» (может быть, искаженное «вда цепу»), в Погодинском — «в дале», в Археографическом и Егоровском — «в даче». Однако, несмотря на разнообразие вариантов и мощную стабильность чтений, списки Пушкинско-Археографической группы едины между собой в главном: ни один из них не знает «вдача» как такового, ни один из них не пытается сформулировать название того, кому «вда цепу» или кто получил «дачу». В этом отношении списки Пушкинско-Археографической группы полностью совпадают со списками Синодально-Троицкой. Итак, обе старшие и основные группы списков Пространной Правды не только не выделяют текста о вдаче в особую самостоятельную статью, но и вообще не знают термина «вдача». Древнейшие протографы Правды, восходящие к XII—XIII вв., включали полный текст главы «О холопстве», но не выделяли никакой клаузулы о «вдаче», излагая соответствующий текст в безличном и негативном плане: они знали «дачу» (так же, как и «хлеб», «придаток», «милость»), но не давали никакого названия тому, кто эту «дачу» («хлеб», «милость», «придаток») получал.

²⁰ Списки Царского, Овчинниковский II, Хворостининский, Егоровский II и Егоровский III — все Новгородско-Софийского вида. См.: Правда Русская, т. I, М., 1940, с. 162.

²¹ Список Тихомировский, Мясниковского вида. См.: Правда Русская, т. I, с. 199.

²² Список Антониево-Сийский, Розенкашифовского вида. См.: Правда Русская, т. I, с. 229.

²³ См.: Правда Русская, т. I, с. 199.

Термин «вдача» впервые встречается в Троицком IV списке, относящемся, по В. П. Любимову, к 20—30-м годам XV в.²⁴ Этот термин стойко сохраняется далее во всех списках Карамзинской группы (в написании «вдачь» или «вдачъ»), за исключением Воскресенского списка, датируемого серединой XVI в.²⁵ Таким образом, Карамзинская группа отличается от старших групп не только выделением текста о вдаче в самостоятельную статью, но и введением самого термина «вдача».

Создается впечатление, что и появление термина «вдача», и оформление соответствующего текста в виде отдельной статьи происходят одновременно и в связи с составлением протографа списков Карамзинской группы.

Общая характеристика списков Карамзинской группы дана В. П. Любимовым: «Это — группа позднейшего происхождения и является производной от двух. . . старших групп. . . сравнение текста списков Карамзинской группы с текстом списков групп Синодально-Троицкой и Пушкинской показывает с несомненностью, что Карамзинская группа является компиляцией ряда списков указанных двух групп».²⁶ Характерными чертами списков Карамзинской группы В. П. Любимов считает, во-первых, заимствования то из одной, то из другой старшей группы; во-вторых, соединение чтений из той и другой групп вместе. «Вместе с тем в Карамзинской группе есть целый ряд новых черт, выражающихся в систематизации материала и в более детальном расчленении его на статьи с целым рядом новых заголовков».²⁷ Это значит, что Карамзинская группа отражает существенно важный, новый этап истории текста Пространной Правды. Дальнейшее осмысливание и редактирование этого текста привело и к выделению статьи о вдаче.²⁸

Уже составитель Троицкого IV списка, опираясь на тексты Синодально-Троицкой и Пушкинско-Археографической группы, занялся согласованием и редактированием этих текстов: исходя из

²⁴ Правда Русская, т. III, с. 355. — М. П. Тихомиров почему-то отнес этот текст к тем чтениям Троицкого IV списка, которые совпадают с чтением Археографического издания; но это явное недоразумение (Тихомиров М. П. Исследования о Русской Правде, с. 174).

²⁵ См.: Правда Русская, т. I, с. 370, 388.

²⁶ Любимов В. П. Списки Правды Русской. — В кн.: Правда Русская, т. I, с. 40.

²⁷ Там же, с. 41.

²⁸ По мнению М. Н. Тихомирова, Карамзинский извод, связанный с Троицким IV списком, возник в Москве в конце XIV в. (Тихомиров М. П. Исследования о Русской Правде, с. 171—177 и др.) и носит, следовательно, черты московской действительности своего времени. С. В. Юшков относит этот извод (по его терминологии — III редакцию Правды) к XIV в. и связывает с Новгородской землей (Юшков С. В. Русская Правда, с. 137). Таким образом, расходясь в определении места составления Карамзинского извода (что вполне понятно ввиду отсутствия реальных данных для такого определения), оба исследователя довольно согласно указывают на XIV в. как на время появления этого извода.

их старой систематики, он «и от себя прибавил новые раздольи на статьи и ряд заголовков».²⁹

Новым шагом в переработке-редактировании Правды была «Правда Софийской летописи», т. е. списки Оболенско-Карамзинского и Музейского видов (по М. Н. Тихомирову, Карамзинский паход), читающиеся в составе Софийской летописи. Наряду с новой редакцией заголовков основных частей Правды списки Карамзинской группы меняют текст некоторых статей и вводят новые термины. К числу новых чтений относятся, например, «наместник» вместо «посадник», «сстатки» вместо «задница» и др. Все это придает памятнику «новый характер, отнимая от него много древних чорт и накладывая отпечаток нового времени». Таким образом, в списках Карамзинской группы отразилось по-просто дальнейшее редактирование текста Пространной Правды, но и приспособление старого текста к новым условиям действительности.³⁰ Именно этой важнейшей особенностью объясняется появление в списках Карамзинской группы новых текстов, неизвестных старшим группам: «А судным кунам ростов нету», «О муце» («Иже утижуть в муце. . .»), «О человеце» («Оже человек, полгав купы. . .»). К чертам, отражающим новые явления жизни, относятся и появление термина «вдач» — результат нового прочтения старого текста и осмысливания его в новых условиях.

Ст. 111 Пространной Правды не является единственным источником, говорящим о вдаче. Той же теме посвящена одна из статей особого юридического сборника, тесно связанного с Пространной Правдой. Я имею в виду статью «Аще ся дасть человек . . .» или «О человеце и о жепе» (как она озаглавлена в позднейших списках).

Как известно, характерной особенностью развития древнерусского права XIII—XV вв. является составление юридических сборников, своего рода сводов применявшихся на Руси гражданских и церковных правил.³¹ Дошедшие до нас древнейшие сборники такого типа — Кормчие Книги и Мерила Праведные со включением Пространной Правды и некоторых других русских статей.³² Никакой особой статьи о «ся давнем человеке» такие сборники не знают.

²⁹ М ю б и м о в В. И. Списки Правды Русской, с. 53.

³⁰ Там же, с. 54. — Значение Правды как памятника действующего права для XV в. отмечено Е. Н. Колычевой (К о л ы ч е в а Е. Н. Холонство и крепостничество, М., 1971, с. 202—206 и др.).

³¹ В научной литературе наибольшее внимание древнерусским сборникам уделил С. В. Юшков. По его мнению, первоначальный юридический сборник, возникший не позднее конца XII—начала XIII в., отразился в Сборнике 30 глав, вошедшем в состав Мерила Праведного I редакции. Предлагаемая С. В. Юшковым реконструкция такого сборника статьи «Аще си дасть человек. . .» не включает (Ю ш к о в С. В. Русская Правда, с. 34—37).

³² См.: Т и х о м и р о в М. Н. Исследования о Русской Правде, с. 61—69, 107—127 и др.

Другой тип юридического сборника представлен Пушкинским сборником. Характерная его особенность — отсутствие в нем Кормчей и Мерила и решительное преобладание русских юридических статей.²³ К числу наиболее существенных черт этого сборника относится также соединение в нем текста Пространной Правды с особым памятником — Законом Судным Людем пространной редакции, впервые известным нам именно из этого сборника. Текст Закона Судного Людем краткой редакции, включаемый в Кормчье Книги и Мерила Праведные, подвергся здесь существенной переработке, по-видимому русским редактором, в результате чего возник практически новый памятник. Особенность этого памятника — появление в нем ряда статей, предположительно русского происхождения.²⁴ Следовательно, составитель Пушкинского сборника или его протограф вводил новые русские юридические тексты как в Правду (такова статья «О копье» — между статьями 87 и 88), так и в другие памятники, включаемые им в свой сборник.

Одной из таких вновь кодифицируемых статей является статья «О копье» («Иже пзломить копье другу. . .»). В Пушкинском сборнике она занимает место между последней статьей основного текста Правды и начальными словами Закона Судного.²⁵ Однако в Пушкинский сборник никакой дополнительной статьи о вдавшемся человеке не знает.

Дальнейшее развитие юридического сборника нового типа, т. е. без Кормчей и Мерила, представляют Археографический и близкий к нему списки. Общей частью всех этих сборников является Русская Правда в соединении с Законом Судным пространной редакции.²⁶ Однако в этих сборниках текст Закона Судного связывается с новыми статьями, отсутствующими в Пушкинском сборнике. Так, в Археографическом сборнике статья «О копье» (с книоварным заголовком «Иже кто пзломить чюже копье») помещена не в конце списка Правды, а в конце Закона Судного. Вслед за ней идут три новых текста, выделяемые книоварными заглавными буквами: 1) «Аще дадять деля вскормити до лжицы. . .», 2) «Аще ся дасть человек или женщина. . .», 3) «А за стог за тяжёбный. . .», после чего следует книоварный заголовок «Уставл Ярослав о мостех».²⁷

²³ Памятники древнего русского права по характерному списку. С вариантами, примечаниями и объяснениями Д. Дубенского. — Русские достопамятности, издаваемые имп. Обществом истории и древностей российских. . . ч. II. М., 1843; Закон Судный Людем пространной и сводной редакции. М., 1961, с. 31—43, 175—214.

²⁴ Тихомиров М. И. Пространные списки Закона Судного Людем. — В кн.: Закон Судный Людем пространной и сводной редакции, с. 19—21.

²⁵ Пушкинский сборник, с. 42; см.: Закон Судный Людем. . . , с. 175.

²⁶ Тихомиров М. И. Исследование о Русской Правде, с. 149.

²⁷ Археографический сборник, л. 302 об.; см.: Закон Судный Людем. . . , с. 239.

В Соловецком сборнике продолжается работа над текстом Правды: появляется новая статья «О ковании мужем». Однако интересующие нас тексты занимают свое прежнее место — в конце Закона Судного. Они разбиты на две статьи, снабженные кинопарными заглавиями: 1) «А се о детяти». (Аще дадять. . .), 2) «О иже ли дадутся в службу» (Аще ли ся дасть. . .). Со второй статьей соединен и текст о стоге, выделенный кинопарной заглавной буквой.³⁸ Эти тексты (и на том же месте) читаются и в Егорьевском списке, читались они и в утраченном списке Авраамки.³⁹

Таким образом, в сборниках Археографического извода впервые появляется и стойко удерживается текст о плавшемся человеке.⁴⁰ Особенностью этого текста является то, что он по всем спискам выступает не одиноко, а в контексте трех статей, помещаемых в конце Закона Судного Людем.

В дореволюционной историографии Н. В. Калачов отметил, что эти статьи «как по содержанию, так и по изложению вполне сходны со статьями Русской Правды, или же хотя и представляют некоторые против них варианты, однако в то же время несут на себе отпечаток того же духа, который проявляется в самостоятельных памятниках нашего права».⁴¹ Однако, в отличие от Калачова, более поздние исследователи Закона Судного не обратили внимания на занимающий нас текст. Так, Н. С. Суворов, рассматривая Закон Судный Людем пространной редакцией только как «копейно-умозрительное упражнение», сделанное, «может быть, уже на Руси, а не у южных славян», и не имевшее никакого практического употребления, относил к собственно русским статьям этого памятника только статью «о послушестве поповском».⁴² Его оппонент А. С. Павлов, подчеркивавший практическое значение Закона Судного Людем пространной редакцией и широкое распространение памятника на Руси, считал возможными русскими статьями статьи о поце-богуне и беглом людине.⁴³

В советской историографии русское происхождение указанных статей не вызывает сомнений, хотя и не подверглось пока специальному исследованию. В. П. Любимов прямо называет эту

³⁸ Соловецкий сборник, л. 602.

³⁹ См.: Закон Судный Людем. . ., с. 77—78.

⁴⁰ Этой статьи нет только в Погодинском сборнике, в котором текст Закона Судного оборван на статье «Аще влез в олтарь» (Погодинский сборник, л. 37 об.).

⁴¹ К а л а ч о в Н. В. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. Изд. 2. СПб., 1880, с. 246.

⁴² С у в о р о в Н. С. Следы западнокатолического церковного права в памятниках древнерусского права. Ярославль, 1888, с. 148, 158.

⁴³ П а в л о в А. С. Мнимые следы католического влияния в древнейших памятниках югославянского и русского церковного права. М., 1892, с. 53, прим. 1.

группу статей «русскими».⁴⁴ М. И. Тихомиров и С. В. Юшков также подчеркивают русское происхождение этих статей.⁴⁵

Следующим шагом в развитии юридического сборника является, по определению М. И. Тихомирова, Троицкий IV список.⁴⁶ В этом списке соединение Правды с Законом Судным сохраняется, однако последний предстает в новой — сводной — редакции. Сама Правда получает новые статьи, приписанные к концу основного текста: «Аже человек полгав куны», «О городских мостех», «О муко», «А у колокольницы быют клутом». Вторая из этих статей — переработка «Устава Ярослава о мостех», встречающегося и в Археографическом изводе, остальные три являются впервые. После текста Закона Судного Людем «О мачехах» дается большой заголовок «О оружьи», за которым следуют статьи «Иже изломить другу копье», «О детити», «О человеце и о жене», «О стозе», «О бесчестьи», отделенные друг от друга принятыми в этом списке разделительными знаками.⁴⁷ Таким образом, несмотря на то что составитель Троицкого сборника (или его протографа) продолжал вводить новые русские статьи, дополняя ими Правду, и переставил статью «О бесчестьи» из Правды в Закон Судный, как это уже сделал составитель Археографического сборника со статьей «О копье», интересующий нас текст о вдавшемся человеке сохранил свое место и свое чтение, получив только новый заголовок.

В таком же положении рассматриваемый текст остается и в списках Карамзинского извода — Оболенском, Карамзинском, Бальзеровском и др. Можно, следовательно, констатировать, что текст о вдавшемся человеке окончательно сложился уже в Археографическом изводе, а затем получал только новые заголовки и некоторые незначительные варианты чтений.

Итак, можно наметить три основных этапа развития текстов о вдаче в составе древнерусских юридических сборников. На первом этапе — не позднее XIII в., в эпоху составления протографа Пространной Правды и древнейших сборников — Кормчих и Мерил Праведных — в протограф Правды в главу о холопстве включается текст негативного плана о «даче», не содержащий наименования того человека, к которому эта «дача» относится. На втором этапе — при составлении юридических сборников нового типа — в их составе появляется статья о вдавшемся человеке, включаемая в композицию, связанную с Русской Правдой. Этот

⁴⁴ Правда Русская, т. I, с. 316 и др.

⁴⁵ Тихомиров М. И. Пространные списки Закона Судного Людем, с. 19. — По мнению С. В. Юшкова, русское происхождение этих статей доказывается общим стилем их, весьма близким к стилю Русской Правды, и грешным, т. е. типично русским, счетом (Юшков С. В. Русская Правда, с. 102).

⁴⁶ Тихомиров М. И. Исследование о Русской Правде, с. 170.

⁴⁷ Троицкий сборник, л. 15—15 об.; см.: Правда Русская, т. III, с. 371—

этап относится, по-видимому, к XIV в., так как, с одной стороны, еще протограф Пупкинского сборника, возникший, по мнению М. Н. Тихомирова, во второй половине XIII в., этой статьи не знал, а с другой стороны — уже в начале XV в. появляется новый вид юридических сборников со сводной редакцией Закона Судного. На третьем этапе — при составлении протографа Карамзинского извода Правды — в ней впервые вводится термин «дача» и выделяется самостоятельная статья, ему посвященная. Опираясь на исследования М. Н. Тихомирова, можно предположить, что это происходит в конце XIV—начале XV в.⁴⁸ Необходимо при этом иметь в виду, что Закон Судный Людем пространной редакции известен только в непосредственной и тесной связи с Правдой и может рассматриваться поэтому как приложение к ней. Следовательно, и статьи в конце Закона, к которым относится и статья о давшемся человеке, могут с достаточным основанием рассматриваться как приложение к Правде.

Таким образом, с конца XIII до начала XV в. в древнерусском праве появляется новая юридическая категория, которую можно условно назвать «владчеством». Каковы же основные черты этой категории? Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть содержание соответствующих текстов.

II

Ст. 111 в списках Синодально-Троицкой группы передается так: «А в даче не холоп, ни по хлебе роботят, ни по придатце; но оже не доходят года, то ворочати ему милость; отходить ли, то не виноват есть»⁴⁹ (чтение по Троицкому списку Мерила Праведного).

Итак, первая категория ст. 111 — это «дача». Что это такое? По-видимому, в «дачу» входят «хлеб» и какой-то «придаток»; другое название «дачи» — «милость». Дача-милость ст. 111 принципиально противопоставляется категориям ст. 110, в частности процедуре, «оже кто хотя купить до полугриппи, а послухи поставить, а ногату дать перед самим холопом».⁵⁰ По-видимому, дача-милость не дается перед свидетелями — послухами и вообще не носит характера формальной юридической сделки. Вспомним, что кредитор ст. 52 Пространной Правды «промиловался», если дал заем более 3 гривен без формального укрепления. Отсутствие формального момента — первая черта отношений, рисуемых ст. 111.

В предполагаемом составе «дачи» на первое место поставлен «хлеб», очевидно, он и является основой «дачи-милости», в противоположность «полугриппи» и «погате», характеризующим пере-

⁴⁸ Ср.: Тихомиров М. Н. Исследования о Русской Правде, с. 177.

⁴⁹ Правда Русская, т. I, с. 116.

⁵⁰ Там же.

монню обращения в обельное холопство. Строй ст. 111 скорее напоминает призыв Мономаха: «елико могуще по силе кормите и придавайте сироте»,⁶¹ где речь идет, конечно, тоже только о самом насущно необходимом для жизни. Дача-милость — это наделение самыми элементарными, жизненно необходимыми средствами; такова вторая черта отпоений ст. 111. Предполагается, что получивший дачу-милость в дальнейшем «ходит» в хозяйство дачного «милосты». Но это «хождение» ограничено одним годом, считается, что годичная работа погашает «дачу». Отсюда вытекает, что размер дачи-милости не превосходил, как правило, годичной хлебной нормы для прокормления семьи и, вероятно, бывал и ниже этой нормы. Во всяком случае размер «милости» был, по-видимому, не выше годовой производительности индивидуального хозяйства, иначе возможность за год отработать эту «милость» была бы переальной. При этом получение, кроме (или вместо) хлеба, «придатка» (в чем бы он ни выражался) отнюдь не влияет на характер и срок отношений по «даче». Итак, относительно небольшой размер дачи-милости (в обоих ее видах) — это третья ее характерная черта.

Но ст. 111 предусматривает и возможность возвращения «милости», «не доходя» года. Такая оговорка не только подчеркивает в общем позначительный размер «дачи», но и косвенно указывает на самостоятельный хозяйственный статус получателя «дачи»: только в таком случае он может вернуть «милость», не отработав ее непосредственно. Но этот самостоятельный хозяин отнюдь не богат, раз у него нет хлеба, и не привилегирован, раз перед ним перспектива личной работы за «милость». Итак, перед нами сделка неформального характера на небольшое количество хлеба или других припасов, участником которой является свободный человек, ведущий собственное мелкое хозяйство и имеющий реальную возможность в короткий срок либо рассчитаться за «милость», либо погасить ее своей работой.

К каким же последствиям приводит эта сделка? В чем ее социально-экономический смысл? Статья говорит об этом только в негативном плане: дача-милость не приводит к холопству. Предыдущая статья (110) говорит об источниках обельного (полного) холопства. Отсюда можно, казалось бы, сделать вывод, что ст. 111 предохраняет получателя дачи-милости именно от такого вида холопства. Так и считает в новейшей литературе А. А. Зимин, подчеркивая, что персонаж ст. 111 противопоставляется не вообще холопу, а только холопу обельному.⁶² В таком случае необходимо доказать, что, во-первых, Правда знает не только обельных холопов, но и другие виды холопства, и что, во-вторых, получатель дачи-милости не гарантируется от превращения в одну из разновидностей холопства.

⁶¹ ПСРЛ, т. 1. М., 1902, стлб. 245.

⁶² Зимин А. А. Холопы на Руси. М., 1973, с. 163, 186.

А. А. Зимин отмечает, что термин «обельный холоп» встречается только при противопоставлении другим видам холопов, точнее, закупам», и приводит в подтверждение этой мысли статьи 56, 61, 63, 64.⁶³ Но в ст. 66, относящейся к разделу, непосредственно следующему за Уставом о закупках, закуп противопоставляется не обельному холопу, а холопу вообще, в том числе и боярскому тиуну, который, как мы знаем хотя бы из ст. 110, мог вовсе не быть обельным холопом, а, привязав «ключь к себе. . . с рядом», мог «стоять» на том, «како ся рядил», т. е. быть в личной (холопской), но не безусловной (обельной) зависимости от господина. Ст. 66 интересна еще и тем, что она знает не только холопа и закупа, но и «свободного», которым, очевидно, не являются ни холоп, ни закуп. На основании этого можно сделать вывод, что, хотя холопство Пространной Правды включало не только обельных холопов, но и холопов «по ряду», закупы в глазах автора ст. 66 не относились ни к тем, ни к другим, т. е. просто не были холопами даже в самом широком смысле, хотя и находились, не будучи «свободными», в определенной степени зависимости от господина. То же можно сказать и о получателе дачи-милости: по точному смыслу ст. 111 он не холоп вообще. Ст. 110, начиная главу «О холопстве», сразу же уточняет, что сама она будет говорить только об обельном холопстве: «Холопство обельное трое. . .». Следовательно, этой статье тоже были известны оба термина: широкий — холопство и узкий — обельное холопство. Ввиду этого мне кажется правдоподобным, что ст. 111 рисует ситуацию, противопоставляемую не только обельному холопству, но и холопству вообще, в том числе и «холопству с рядом», о котором говорит ст. 110. Появление ст. 111 в Уставе о холопах представляется ввиду вышесказанного как нельзя более уместным: Устав говорит не только об обельных холопах, но и о холопах как таковых; если ст. 110 ограничивает случаи обельного холопства, то ст. 111 ограничивает сферу холопства вообще, исключая из этой сферы лицо, получившее дачу-милость. Это явно не обельный холоп: он не подпадает ни под один из трех случаев ст. 110. Но он и не «холоп по ряду»: он не связан с господином формальным соглашением типа ряда ключника или свободного, жепившегося на робе. Перед нами особый тип отношений, не подпадающий под категорию холопства (в том смысле, в каком этот термин фигурирует в Правде). Большинство исследователей сближают эти отношения с закупничеством. Такого мнения придерживаются М. Ф. Владимирский-Буданов,⁶⁴ В. П. Сергеевич,⁶⁵ П. Н. Мро-

⁶³ Там же, с. 182.

⁶⁴ Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права, вып. 1. Изд. 5. СПб. — Киев, 1899, с. 78—79, прим. 160 и 161.

⁶⁵ Сергеевич В. П. Древности русского права, т. 1. Изд. 3. СПб., 1909, с. 217.

чек-Дроздовский,⁵⁶ А. Е. Пресляков,⁵⁷ Н. Л. Рубинштейн.⁵⁸

Близость в существенных чертах закупа и персонажа ст. 111 отмечает Б. Д. Греков. «Вдачество» — работа за «милость» (хлеб или деньги) с погашением долга и процентов работой; «купа» и «дача» — попятня, очень близкие друг к другу.⁵⁹ «Дача» и «милость» — это не обычная ссуда, а особая форма феодальной зависимости, в некоторых отношениях напоминающая «добровольное холопство» XVI в.⁶⁰

Н. И. Смирнов видит в ст. 111 «развитие . . . форм зависимости типа закупничества, в основе которых лежали различные виды феодальной кабалы».⁶¹

Новейшим исследователем, отождествляющим отношения по ст. 111 с закупничеством, является А. А. Зимин. «Лицо, получившее дачу («милость»), т. е. известную денежную сумму деньгами или хлебом, под условием личной работы на господина, — не кто иной, как закуп».⁶² Суть ст. 111 в том, что она, во-первых, противопоставляет закупа-вдача обельному холоду, во-вторых, ограничивает источники обельного холопства; «должники становились не просто холодами, а закупками, т. е. сохраняли как-то право выкупа».⁶³ Ст. 111 отражает тот факт, что «источники закупнических отношений к началу XII в. резко увеличались. Зависимыми людьми становились . . . и разорившиеся крестьяне, получавшие от господина „хлеб“ и „ирпдаток“ . . . , т. е. отарницу и кося».⁶⁴

Однако мнение о близости и даже тождественности персонажа ст. 111 и закупа разделяется далеко не всеми исследователями.

М. А. Дьяконов не усмотрел никакой связи между закупом и вдачом и поставил вдача в один ряд с холодом, отметив разницу между ними.⁶⁵

В. А. Удинцев видит в ст. 111 отношение, близкое к найму, но, сближая персонажа этой статьи с франкским *obnoxius*, под-

⁵⁶ М р о ч е к - Д р о з д о в с к и й Н. И. Материалы для словаря правовых и бытовых древностей по Русской Правде. — ВОНДР, 1917, кн. III, с. 22—88.

⁵⁷ П р е с л я к о в А. Е. Княжое право Древней Руси. СПб., 1909, с. 301.

⁵⁸ Р у б и н ш т е й н Н. Л. До історії соціальных відносин у Київській Русі XI—XII ст. — Наук. зап. Наук. дослідч. катедри історії укр. культури (Харьков), 1927, № 6, с. 54.

⁵⁹ Г р е к о в Б. Д. Крестьяне на Руси, кн. 1. Изд. 2. М., 1952, с. 180—181.

⁶⁰ Там же, с. 157.

⁶¹ С м и р н о в Н. И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII вв. М.—Л., 1963, с. 227.

⁶² Памятники русского права, вып. 1. М., 1952, с. 186.

⁶³ З и м и н А. А. Холоды на Руси, с. 183, 186.

⁶⁴ Там же, с. 201.

⁶⁵ Эту разницу он приписал влиянию Закона Судного Людем (делая здесь очевидную ошибку, так как соответствующие статьи Закона принадлежат Пространной Правде). — Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. Изд. 4. СПб., 1912, с. 107.

чоркивает тем самым его приниженное, зависимое положение.⁶⁶ И. П. Павлов-Сильванский также выступил против применения ст. 111 к закупам на том основании, что сама Правда этого не делает.⁶⁷ На эту же точку зрения встал и П. А. Аргунов.⁶⁸

И. П. Яковкин считает, что персонаж ст. 111 не закуп, т. е. не долговой раб, а бездомный человек, входящий в семейную организацию на положении, близком к холопству, и получающий от господина не только содержание («хлеб»), но и другие вещи, необходимые для работы («милость»).⁶⁹

И. А. Максимейко, противопоставляя получателя «дачи» закупу, видит в отношении ст. 111 срочную зависимость — наем в услужение: под «дачей» он понимает заработную плату.⁷⁰

И. И. Полосин тоже не ставит знака равенства между отношениями ст. 111 и закупничеством. Зависимость по ст. 111 — это «типичная зависимость голодных лет». Персонаж статьи («вдача») — это человек, готовый под угрозой голодной смерти «вдаться» в зависимость за кусок хлеба. Однако форму и характер этой зависимости И. И. Полосин не раскрывает.⁷¹

В новейшей историографии получателя дачи-милости от закупа отличают С. В. Юшков и Б. А. Романов. По мнению С. В. Юшкова, ст. 111 «решительно отличается от духа и смысла всего законодательства о закупках». «Вдача» — это человек, связанный с господином неформальным соглашением о ссуде хлебом или деньгами. Существенное юридическое отличие «вдача» от закупа в том, что он вовсе не обязан отрабатывать взятую ссуду, он может просто отдать долг.⁷² Однако в другом месте своего исследования С. В. Юшков ставит вопрос о «вдаче» по-иному: «„Вдача“ занимает деньги и хлеб, очевидно, под проценты» и фактически может впасть в порабощение, запустив свое хозяйство вследствие годичной работы на господина.⁷³

Наиболее обстоятельный и разносторонний разбор «вдачества» в новейшей литературе принадлежит Б. А. Романову. Он обратил внимание на важную черту «вдачества»: в отношении господина со «вдачем» нет «ряда», как нет и соответствия нормам ст. 110.⁷⁴

⁶⁶ У д и н ц е в В. А. История займа. Киев, 1908, с. 139, 144—145.

⁶⁷ П а в л о в-С и л ь в а н с к и й И. П. Феодализм в удельной Руси. — Собр. соч., т. III. СПб., 1910, с. 226.

⁶⁸ А р г у н о в П. А. К пересмотру построения закупничества Русской Правды. — Уч. зап. Саратовск. ун-та, 1927, т. VI, вып. 4, с. 19.

⁶⁹ Я к о в к и н И. П. О закупках Русской Правды. — ЖМНП, 1913, апрель, с. 266—268.

⁷⁰ М а к с и м е й к о И. А. Закупы Русской Правды, с. 43, 45. — Наук. зап. Наук. доследн. катедри історії укр. культури (Харьков), 1927, № 6, с. 43—55.

⁷¹ П о л о с и н И. И. Закупы и вдача по Русской Правде. — Уч. зап. Ин-та истории РАИИИОИИ, т. 5. М., 1928, с. 202.

⁷² Ю ш к о в С. В. Очерки по истории феодализма и Киевской Руси. М., 1930, с. 74.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же, с. 86—87.

⁷⁵ Правда Русская. Учебное пособие. М.—Л., 1940, с. 87—88.

Ст. 111 — попытка юридически осмыслить распространенное бытовое явление. «Вдач» — это паупер, бедняк, припертый нуждой и идущий к господину без всяких условий, из одного хлеба.⁷⁰ Ст. 111 и фиксирует «право свободного ухода паупера: по истечении года — безвозмездно, до истечения года — с возвратом полученного, ставя его в этом пункте на одну доску с закупом».⁷¹ Однако персонаж ст. 111, которого Б. А. Романов называет «милостышником», не холоп и не закуп. Ст. 111 отражает новое по сравнению с закушничеством общественное явление. Суть этого явления — порабощение свободных «леновитых».⁷² Практика припятия на работу за прокорм, в том числе и с доплатой деньгами вперед, открывает «возможность широкой спекуляции рабочей силой в форме нерегистрированной продажи».⁷³ Борясь с такой практикой, ст. 111 защищает не столько неудачливых «свободных» милостышников, сколько серьезные материальные интересы церкви, претендующей на эксплуатацию труда нищей братии.⁷⁴

Особняком в историографии стоит мнение М. Н. Тихомирова, связавшего термины «милость», «придаток», «хлеб» с условным феодальным держанием и понимавшего «милостников» XII в. как предшественников позднейших дворян. С точки зрения М. Н. Тихомирова, «статья о „милости“ вовсе не опекает бедных людей», а «ставит своей задачей охранить от порабощения мелких феодалов, занявших холопские места при боярском и княжеском дворе, но стремившихся сохранить свою свободу».⁷⁵ В доказательство своего построения М. Н. Тихомиров приводит ряд текстов, прежде всего летописных, в которых действительно термины «милость», «придаток» и «хлеб» имеют смысл, близкий к феодальному держанию. На мой взгляд, М. Н. Тихомирову удалось показать многозначность терминов «милость» и др. Но именно эта многозначность и требует каждый раз конкретного анализа терминов в их соответствующем контексте. Контекст же этот в Уставе о холопах совсем не такой, как в устах князя Ярослав Всеволодовича после Липицкой битвы: «а сам, брате, накорми мя хлебом».⁷⁶ Поэтому едва ли можно согласиться с М. Н. Тихомировым в его общей трактовке ст. 111 и ее персонажа. Его точка зрения не нашла поддержки в историографии.

Таким образом, на основной вопрос, поставленный в историографии о персонаже ст. 111 — является ли он закупом или нет, — существуют два противоположных ответа. При этом, однако,

⁷⁰ Романов Б. А. Люди и права древней Руси. Л., 1947, с. 71.

⁷¹ Правда Русская. Учебное пособие, с. 88.

⁷² Романов Б. А. Люди и права. . . , с. 290, 300—301.

⁷³ Правда Русская. Учебное пособие, с. 88.

⁷⁴ Романов Б. А. Люди и права. . . , с. 304—305.

⁷⁵ Тихомиров М. Н. Условное феодальное держание на Руси XII в. — В кн.: Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952, с. 104.

⁷⁶ Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872, с. 475; ср.: Тихомиров М. Н. Условное феодальное держание. . . с. 103.

социальный и хозяйственный облик этого персонажа рисуется исследователям в общих чертах похожим: это бедный человек, работающий за «милость» и находящийся в силу этого в той или иной зависимости от господина, давшего ему эту «милость». Б. Д. Греков и Б. А. Романов, весьма по-разному оценивающие соотношение между так называемым «вдачем» и закупом, сходятся в том, что практика выдачи хлеба («милости») устанавливает особую форму зависимости (Б. Д. Греков) и является одним из способов закрепощения работника (Б. А. Романов). Причина полемики на тему «вдач—закуп.» заключается, по-видимому, в разном подходе к содержанию термина «закуп». А. Е. Пресняков, Б. Д. Греков, И. И. Смирнов, А. А. Зимин проявляют склонность к расширительному пониманию этого термина, покрывая им широкий круг социальных явлений, имеющих то или иное сходство с закупничеством статей 56—64 Пространной Правды. В их интерпретации закупничество выступает как родовое понятие, включающее в себя ряд разновидностей, одной из которых и является «вдачество». Такое «закупничество в широком смысле» перерастает рамки Устава о закупах, и сам конкретный закуп Устава фактически становится только частной разновидностью «закупничества вообще». Возможен ли такой подход к терминологии и содержанию источников? Мне кажется, что на такой вопрос следует, без сомнения, дать положительный ответ. «Закупничество в широком смысле» и подобные ему категории, являясь научной конструкцией, представляют собой ценное достижение исследовательской мысли, помогая анализировать ряд социальных явлений, систематизировать, группировать, устанавливать между ними те или иные связи и т. п. Создание подобных обобщающих конструкций всегда было и будет большой заслугой историков и одновременно важным инструментом дальнейшего исследования.

Однако при всей своей законности и плодотворности такой «расширительный», «интегральный» подход к термину не является ни единственно возможным, ни исчерпывающим. Позволяя, например, установить общие черты между закупом и «вдачем» (и давая тем самым повод трактовать второго как частный случай первого), такой подход не дает возможности увидеть отличие — в рамках рассматриваемого памятника — между обоими явлениями, следовательно, и конкретную специфику каждого из них. Поэтому осторожный и дифференцированный подход ко «вдачеству» С. В. Юшкова и Б. А. Романова мне представляется необходимым и существенным элементом в общей трактовке проблемы «закупа—вдача».⁸²

Персонаж ст. 111, несомненно, имеет черты сходства с закупом: во-первых, он получает от господина «дачу» — хлеб и придаток

⁸² А. Л. Шапиро (Проблемы социально-экономической истории Руси XIV—XVI вв. Л., 1977, с. 143) трактует «вдачество» как категорию, близкую к наймитству.

(«милости»), во-вторых, эта «дача-милость» является основой его зависимости. Но тут же выступают и отличия.

Получатель «милости» отрабатывает ее в течение года, чем, по-видимому, и исчерпывает свои связи с хозяйством господина. Более того, ему предоставляется возможность рассчитаться за «милость» — и таким путем прекратить свою зависимость — до истечения года. Таким образом, зависимость по «милости» носит не только временный и условный, но и срочный характер: господин не может формально удерживать получателя «милости» по истечении одного года. В этом основное и существенное отличие персонажа ст. 111 от закупа.

Как и закуп, персонаж ст. 111 привлекается к работе на господина со стороны, извне — из массы свободного люда, окружающего господский двор или усадьбу. Но связи его с этим двором носят кратковременный, проходящий характер. Получатель «милости» сохраняет большую независимость от господина и господского хозяйства, чем закуп.

Если Устав о закупах предполагает со стороны господина намерение «увередити купу или отарицу» или «продати закупа обель», то ст. 111 просто запрещает господину «роботити» получателя «дачи», т. е. превращать его в холопа. Это едипственная «обида», которую господин может ему нанести. Ни о каких других акциях господина, направленных против получателя «милости», статья не говорит. Таким образом, если за купу угрожает нарушение «ряда» со стороны господина, то опасность для персонажа ст. 111 — в произвольных действиях господина, не связанного никаким «рядом».

Вопреки мнению В. А. Удальцова, И. И. Яковкина и Б. А. Романова, этот персонаж не производит впечатления безнадежного нищего, вынужденного «милости» и готового работать без всяких условий за прокорм. Такому представлению противоречат, как мы видим, прежде всего предположение статьи, что можно рассчитаться за «милость» даже «не доходя года». По отношению к пауперу такое предположение было бы невозможным (если не считать только, что можно рассчитаться со старым господином за счет нового, но для такого предположения, отдающего XVI в., нет решительно никаких оснований). Представлению о получателе «милости» как о паупере противоречит и основная мысль статьи — о сохранении им свободы. Едва ли закон стал бы печалься о свободе бездомного нищего, заведомо неспособного вести самостоятельную хозяйственную жизнь: такому человеку просто не нужна «свобода». Вопреки А. А. Зимину, текст ст. 111 не дает оснований видеть в «хлебе» отарицу закупа, а в «придатке» — коня его. В виде «милости» дается не земля, не конь, не плуг и не борова, а прежде всего хлеб, т. е. то, что нужно непосредственно для самой жизни. Хлеба же может не быть у крестьянина в силу случайного стечения обстоятельств, прежде всего в голодный год (как это и отметил И. И. Полосин). Взяв «милость» и попав в работу к господину, он

не рассчитывает пробыть у него долго: зависимость по «милости» для него скорее эпизод, чем длительное состояние, определяющее его статус. Этим, по-видимому, и объясняется тот факт, что Правда XII—XIII вв. не нашла нужным вводить особый термин для определения персонажа ст. 111, это просто некто, лишенный определенных признаков, какой-то человек, случайно и не надолго оказавшийся в ситуации, описываемой в статье.

Термин «год», о котором говорит ст. 111, едва ли случаен. Вопреки мнению А. Е. Преспякова, думаю, что закон стремился именно точно ограничить срок «вдачества». В противном случае этот срок по желанию господина в силу неформального характера соглашения мог бы стать настолько длинным, что получатель «милости» фактически превратился бы в холопа, чему как раз и хочет поменшать ст. 111.

Едва ли можно согласиться с Б. А. Романовым, видящим в ст. 111 заботу об интересах церкви. На мой взгляд, А. А. Зимин прав, отрицая мнение о церковном характере терминологии этой статьи⁸³ (и подрывая тем самым главный аргумент в пользу церковного происхождения самой статьи). Видеть же прямую связь между персонажем ст. 111 и церковью нельзя без слишком больших натяжек. Зато Б. А. Романов, по-моему, совершенно прав и когда видит в ст. 111 защиту интересов свободных «неимовитых»,⁸⁴ и когда считает «вдачество» более новым (по сравнению с закупничеством) общественным явлением.⁸⁵ Суть этого явления — в волеизъявлении новых (и широких) слоев свободных людей в определенную зависимость от владельцев «хлеба», способных дать в голодный год «милость». Широкое распространение, повседневность такого явления, как помощь хлебом в голодное время, приводит, с одной стороны, к неформальному характеру отношений, с другой — к попыткам «господ» использовать складывающуюся ситуацию для порабощения через «дачу-милость», подобно тому, как господин закупы стремится превратить его в холопа. И как Устав о закупках пытается сохранить закупничество как особую форму зависимости, не тождественную холопству (действуя при этом объективно, в интересах перспективы развития феодальных отношений), так и ст. 111 стремится сохранить «вдачество» как особую, гибкую форму привлечения массы людей к работе на господина, не подрывая при этом основы социального и юридического положения свободного человека,⁸⁶ существенно важной фигуры XII—XIII вв. и в городе, и в деревне, причем важной не только с точки зрения практических интересов сегодняшнего

⁸³ Зимин А. А. Холопы на Руси, с. 190—191.

⁸⁴ Романов Б. А. Люди и нравы. . . , с. 87.

⁸⁵ Там же, с. 290. — На такой же примерно позиции стоит А. А. Зимин (Холопы на Руси, с. 201).

⁸⁶ «Из числа тех „неимовитых“, которые в . . . рождающемся феодальном обществе и сами опрокидывались в бездну . . . рабочего мира» (Романов Б. А. Люди и нравы. . . , с. 87).

(для автора ст. 111) дня, но и дальнейшего процесса феодального классового образования. Временное, мягкое и гибкое «вдачество» — новый шаг по пути к дальнейшему расщеплению свободного «людина» на «господина», «оснодаря» и «государя», с одной стороны, и на наймита, закупа и изорника — с другой, с более отдаленной перспективой превращения первой фигуры из этой пары в помещика-крепостника, а второй — в кабального холопа или крепостного крестьянина.

Итак, в ст. 111 мы видим своеобразное отношение неформальной краткосрочной зависимости — отношение, еще само не оформившееся и не получившее точного юридического обозначения. Это отношение, по-видимому, характерно для времени составления Пространной Правды, для эпохи широко развивающегося процесса феодального классового образования, когда для работы в растущих и расширяющихся вотчинах привлекаются тем или иным способом все новые контингенты свободных беднеющих крестьян.

III

По мере количественного роста и качественного развития феодальной вотчины, по мере дальнейшего расслоения пока еще не втянутого в эту вотчину относительно свободного сельского населения отношения XII в., отраженные в ст. 111, постепенно становятся анахронизмом. Как мы видели, более поздние списки Правды начинают утрачивать чтение «в даче», заменяя его все чаще либо пошлостью «в доле», либо понятным, но имеющим другой смысл «вда цену». Это чтение, восходящее к редакциям XIV в., наводит на мысль о закупничестве Правды и челядничестве паймитства Правосудия Митрополичьего, и хотя сама ст. 111 и в новых чтениях продолжает отрицать холопство своего персонажа, подобные аналогии косвенно свидетельствуют о каком-то переосмысливании отношений по «даче-милости».

В это именно время (XIV в.) и появляется статья «О человеке и о желе» в составе приложения к Пространной Правде: «Аще ся даст человек или женщина у тоща времени, дерн ему не надобе, а пойдет прочь да даст 3 гривны, а служил даром».⁸⁷

Сравнение этой статьи со ст. 111 Правды дает возможность различить в ней три смысловых ряда. Во-первых, обращает на себя внимание определенная близость обеих статей друг к другу. Обе статьи говорят о зависимости, связанной с «дачей», обе статьи подчеркивают, что эта зависимость не тождественна холопству, обе статьи исходят из возможности легального прекращения зависимости путем ухода от господина; ни та, ни другая статья не говорят ни о каких формальных актах, связанных с установлением и прекращением этой зависимости. Таким образом, между обеими статьями наблюдается несомненное сюжетное сходство — они, по-видимому, говорят в принципе об одном и том же явлении.

⁸⁷ Закон Судный Людем пространной и сводной редакции, с. 78.

Тем не менее эти статьи не тождественны. В известной мере статья Закона как бы накладывается на статью Правды, дополняя и поясняя ее. Статья Правды говорит о ком-то, получившем «милость» в виде хлеба и придатка; статья Закона о «милости», хлебе, придатке ничего не говорит, зато содержит указание на обстоятельства «дачи себя» человеком — это «тошное время», т. е. время бедственное, именно такое, когда «человеку» может не хватать прежде всего хлеба и других элементарно необходимых жизненных припасов, когда этот «человек» может больше всего нуждаться в «милости». Таким образом, статья Закона подходит к описываемому явлению несколько с другой стороны, чем статья Правды. Но отличие в формулировке еще больше, как мне кажется, подчеркивает сюжетное единство обеих статей.

Наибольшее значение имеет третий смысловой ряд, характеризующий различия по существу между рассматриваемыми статьями.

Исходя из точного смысла чтения Правды в редакциях, восходящих к XII—XIII вв., «дача» — это акт со стороны господина, акт выдачи хлеба и придатка, т. е. «милости». Анонимный персонаж ст. 111 выступает как получатель этой «милости» (хлеба, придатка). Другой логический смысл имеет грамматическая конструкция статьи Закона. Здесь «дающим» является не господин, а «человек», акт «дачи» — это акт «дачи себя в службу», что и подчеркнул составитель Соловецкого сборника (или его протограф), давший статье киновариный заголовок «О иже ли дадутся в службу».⁶⁶ Однако наиболее существенное различие обеих статей — в их заключительных частях. Статья Правды говорит о возвращении «милости» в общей форме, статья Закона устанавливает определенную сумму. Более того, статья Закона вообще ничего не говорит об уходе от господина по истечении года. В этом отношении Закон принципиально расходится с Правдой: особенностью положения персонажа ст. 111 являются именно возможность погасить «милость» работой и течение определенного, зафиксированного в статье срока и основанное на этом автоматическое прекращение зависимости. Закон Судный ничего этого не знает. Хотя «ся давший» человек «служил даром», он должен тем не менее при уходе (независимо от длительности своей службы) выплатить три гривны. Что представляет собой эта выплата? В масштабе деп Пространной Правды три гривны — это очень большая сумма, это стоимость княжеского коня (ст. 45); дополнительные статьи к Правде в списках Карамзинской группы оценивают в три гривны кобылу. С другой стороны, три гривны — это уголовный штраф за достаточно тяжелые правонарушения — за публение до крови (ст. 29), за удар мечом (ст. 30), за оскорбление действием (побои) (ст. 31), за скрывание чужого челядина (ст. 32), за пользование чужим конем без спроса (ст. 33), за кражу коня, оружия и

⁶⁶ Соловецкий сборник, л. 602.

одежды (ст. 34), за ограбление клетки (ст. 35), за порчу борти (ст. 75), за кражу пчел (ст. 76) и морской ладьи (ст. 79), за ограбление или порчу охотничьих снастей (статьи 80, 81). Заметим, что к числу правонарушений, караемых трехгривенным штрафом-продажей, относится и попытка господина получить лишние куны со своего закуна (ст. 60), и «мукн» смерда «без няжа слова» (ст. 78). Три гривны — это штраф, который налагается на злого неплательщика долга (ст. 47); наконец, это верхний предел суммы, которую можно дать взаймы и взыскивать, не выставляя послухов и ограничиваясь только «ротон» (ст. 52).

В разбираемом нами случае трудно предположить, что три гривны — это возвращение реально полученного «хлеба и придатка» в денежном выражении: для такого предположения эта сумма, с одной стороны, слишком определена (трудно представить себе, что «милость» давалась всегда в одном и том же размере), с другой — слишком велика (судя по приведенным выше сведениям о ценах). Не вытекая естественным образом из реальных экономических отношений «ся давшего» «человека» с его господином, эта сумма носит, таким образом, чисто юридический характер — это цена выкупа на свободу. В этом смысле три гривны Закона Судного напоминают двойной «задаток», выплачиваемый челядином-наймитом Правосудия Митрополичья при выходе на свободу.⁸⁹ Однако если для челядина-наимита размер куны всегда пропорционален размеру «задатка», то для «ся давшего» человека размер выплаты-выкупа установлен законом раз и навсегда. Откуда же взялись эти три гривны? Одним из источников, повлиявших на назначение за выкуп именно этой суммы, были, вероятно, статьи Прострапной Правды, в частности 52-я, 60-я и 78-я. Последние две статьи назначают трехгривенные платежи за обиды, наносимые людям, стоящим на нижней ступени социальной лестницы (закуп и смерд). В глазах составителя Правды трехгривенная продажа служила гарантией от специфических «обид» этих людей, или, что то же самое, «стоимость» этих специфических обид приравнивалась к трехгривенному денежному эквиваленту. Что же это за специфические обиды, наносимые, по представлению составителя Правды, именно закупу и смерду? По ст. 60, господин вымогает куны у закуна, пользуясь его фактически зависимым, подневольным положением. По ст. 78, кто-то занимается самоуправством по отношению к смерду, используя опять-таки свое фактическое превосходство над ним — прибегая, очевидно, к помощи своих холопей, если речь идет о феодале, или к участию соседей, если речь идет о таком же смерде-общиннике.

В обеих статьях — нарушение прав (в первом случае — имущественных, во втором — личных) социально слабого человека, сохраняющего больше или меньше черты свободы, со стороны

⁸⁹ АСВР, т. III, № 8, ст. 29, с. 24.

лиц, более сильных в социальном или экономическом смысле. Итак, трехгривенный эквивалент служит своего рода гарантией сохранения некоторых признаков свободного человека — в тех случаях, когда эти признаки находятся под реальной угрозой. Можно предположить, что и составитель статьи «О человеке и о жене» Закона руководствуется тем же нормативом: выплата трехгривенного эквивалента приводит к возвращению свободы.

С другой стороны, ст. 52 Правды рассматривает 3 гривны как максимальную цену неформальной сделки. По нормам Правды, именно такая сумма могла быть выплачена «человеком» (и получена господином его) без послухов и других формальностей.

Таким образом, трехгривенная цена выкупа находит в Правде определенные (хотя и не прямые) аналогии.

Менее вероятно, что источником трехгривенного выкупа мог быть текст самого Закона Судного, причем в его древнейшей — краткой — редакции. Ст. 21 этой редакции, без смысловых изменений повторенная и в пространной редакции (т. е. не подвергшаяся на Руси каким-либо переделкам), исходит из того, что работающий человек «на всяко лето» отрабатывает «три стлязя».⁹⁰ При интересном и, может быть, не случайном цифровом совпадении эта статья рисует, однако, ситуацию, весьма непохожую на ситуацию статьи «О человеке и о жене». В ней речь идет о купленном рабе (пленином); допускается возможность его безотрабочного выкупа за наличные деньги («то дасть на себе, да идет вспять свобода»); альтернативная отработка цены растягивается на число лет, определяемое исходной ценой купленного раба; при оформлении откупа на свободу требуется присутствие послухов, т. е. этот акт носит юридически оформленный характер.

К числу отличий статьи Закона от статьи Правды относится то, что рядом с «человеком» здесь поставлена «женщина». Это дополнение симптоматично. В голодные годы (топшое время), как известно по летописям, не только гибли люди, но и разрушались семейные связи, в силу чего легко могла создаваться ситуация, при которой в «службу» был вынужден идти не только сам глава семьи, «человек», но и выбитая из семейного союза одинокая «женщина». Условие освобождения из зависимости, судя по тексту Закона, у них одно и то же — выплата трех гривен независимо от срока этой даровой «службы» за кусок хлеба.⁹¹ То же разрушение семейных связей, увеличивающее источники зависимости, отражается в статье «О детяти», которая, как мы видели, во всех списках текстуально соединена со статьей «О человеке и о жене», точнее, представляет собой начало (первую часть) того текста,

⁹⁰ Закон Судный Людем краткой редакции. М., 1961, с. 44, 107–108.

⁹¹ Либопытно отметить, что по статье «О сиротьем ширядке» Карамзинского издания Пространной Правды «страда» «женки с дочерью» оценивалась «по гривне на лето». Исходя из норм этой статьи, три гривны — это стоимость шестилетней работы одинокой женщины: при этом надо иметь в виду, что, по Закону Судному, работа не погашала задолженности.

середину (вторую часть) которого составляет рассматриваемая нами статья: «Аще дадять дѣтя вскормити до лжицы, а сѣмо вразоуметь лжицу взяти, прокорма 3 гривны». «Дѣтя», которое еще не может взять «лжицу», т. е. совершенно беспомощно и нуждается в физическом уходе, дается на «вскармливание». Этот акт «дачи» (ребенка чужим людям) сближает статью «О дѣтях» со статьей «О человеце и о жене» (где говорится о «доче себѣ» взрослых людей).

В какой жизненной ситуации возможно такое явление? К числу жизненных ситуаций, порождающих необходимость отдавать «дѣтя вскармтити», относится голод и другая бедствия, при которых родители лишаются возможности вскормить свое «дѣтя» сами. С такой ситуацией может быть связана и гибель родителей, приводящая к тому, что дети отдаются в чужой дом уже не родителями, а родственниками, «кто им ближии будеть», выражаясь языком ст. 99 Правды.⁹² Если это так, то намечается еще одна линия определенной смысловой связи между статьей «О дѣтях» и статьей «О человеце и о жене», говорящей о «тошном времени».

Вскармливание «дѣтях» длится до тех пор, пока не кончится его полная физическая беспомощность и исчезнет необходимость в непосредственном уходе за ним, т. е., по-видимому, до 3—4 лет. Предполагается, очевидно, что к этому времени родители или «ближии» смогут взять ребенка к себе и во всяком случае уплатить три гривны за прокорм. Что же будет, если эти три гривны не будут уплачены? Статья об этом ничего не говорит. Надо полагать, что без уплаты трех гривен родители или «ближии» не получают своего ребенка обратно и он остается в доме (хозяйстве) у того, кто его вскармтил, т. е. превратится в дальнейшем в его холопа. Нельзя не заметить и здесь прямую аналогию со статьей «О человеце». В обеих статьях выплата трех гривен является выкупом: в одном случае — ребенка родителями, в другом — самих родителей. Различие статей в том, что если «дѣтя» вскармливается, то «человек» или «женщина» находятся в «службе». На первый взгляд три гривны за «прокорм» могут иметь хотя бы видимость действительной платы за кормление и уход за ребенком, тогда как выплата тех же трех гривен человеком, который «служил даром», носит неприкрытый характер выкупа. Но эта разница чисто внешняя. Статьи «О дѣтях» и «О человеце и о жене», поставленные рядом, представляют собой, в сущности, один текст, посвященный условиям выкупа на свободу людей, попавших в зависимость за кусок хлеба в «тошное время». Существо такой зависимости — даровая «служба» до выкупа, характерная черта — вовлечение в зависимость всех членов семьи. Эта зависимость противопоставляется одернованному холопству: она не сопровождается особым

⁹² Раздача детей погибавшим от голода родителями — типичная черта в описаниях голодных бедствий в летописи: «отець и мати чадо свое въсажаше в лодию даром гостемъ» (НПЛ, с. 22; 1128 г.); «дѣтя свое давахуть одьренъ» (там же, с. 54; 1215 г.); «и дадоху отци и матери дѣти свое одьренъ и хлеба гостемъ» (там же, с. 71; 1230 г.).

юридическим актом и может быть прекращена по инициативе «ся давшего» человека. Условие о выкупе в сочетании с подчеркиванием, что «ся давшему» человеку «дери не надобе», имеет принципиальное значение. При хорошо известной реальности и конкретности мышления древнерусского законодателя включение такого условия в текст закона могло быть оправдано только в той мере, в какой выкуп на волю «ся давших» людей был действительно сколько-нибудь распространенным жизненным явлением. О таком явлении и свидетельствует, как мне кажется, рассматриваемый текст.⁴³

Итак, статьи Закона Судного рисуют новое по сравнению с Правдой общественное явление — зависимость «ся давшего» человека. Эта зависимость напоминает положение персонажа ст. 111 Правды: она порождена чрезвычайными обстоятельствами («тошное время»); она не приравнивается и не приводит к полному холопству, а носит характер временный и в значительной мере «неформальный», она может быть прекращена по инициативе человека, попавшего в зависимость. В то же время «ся давший» человек отнюдь не тождествен анонимному получателю «дани-милости». Его зависимость не ограничена каким-либо сроком; его обязательства не могут быть погашены работой на господина; он может выйти на свободу, только уплатив выкуп. Таким образом, зависимость по Закону Судному носит значительно более жесткий характер. Эти черты «ся давшего» человека сближают его уже не с персонажем ст. 111, а с определенным типом холопа, хотя и не полного. Примером такого холопа может служить челядин-наймит Правосудия Митрополитского — памятника, появившегося, по мнению большинства исследователей, в XIII—XIV вв.,⁴⁴ примерно в то же время, что и статьи «О детяти» и «О человеце и о жене». Челядин-наймит — тоже зависимый человек, могущий выкупить себя на свободу, и противопоставляемый обельному холопу. Однако между ним и «ся давшим» человеком нельзя поставить знака равенства. Можно отметить три существенные черты, отличающие персонажа Правосудия от «ся давшего» человека: во-первых, его освобождение совершается только формальным путем —

⁴³ Рассматриваемая статья находит аналогию и западнорусском праве, отраженном в литовском статуте 1529 г.: «Таж уставуем ест ли бы волного человека або сына своего хто продал а голоду в неволю, або сам си для голоду продал в неволю, таковыи лист не мають держати быти, и как голод омилеть, тот холопек пенезеи добывти и ему отдасть, а сам зяса волен востанет» (Статут великого княжества Литовского 1529 г. Мшск, 1960, раздел XI, артикул [11] 10, с. 116).

⁴⁴ Такого мнения С. В. Юшков (Юшков С. В. Правосудие Митрополитское. — Летопись занятий Археограф. комиссии, вып. 35. Л., 1929, с. 118), Л. В. Черешин (Черешин Л. В. Русские феодальные ардыны, ч. II. М., 1951, с. 29), А. А. Зимин (Зимин А. А. Холопы на Руси, с. 355). В отличие от них М. П. Тихомиров относит этот памятник к XV в. (Тихомиров М. П. Правосудие Митрополитское. — Археограф. ежегодник за 1963 г. М., 1964, с. 44), а В. П. Автократов — даже к XVI в. (Памятники русского права, вып. III. М., 1955, с. 438—440).

через суд; во-вторых, как уже отмечалось, размер выкупа челядина-наймита зависит от полученной им вперед суммы задатка; в-третьих, за побег от господаря ему угрожает превращение в обельного холопа, что специально подчеркивается в тексте. По-видимому, статья Правосудия Митрополитского рисует другое бытовое и юридическое явление, чем статья Закона Судного. Зависимость челядина-наймита, генетически связанного с закупом Правды, — более жесткая и формальная, более близкая к полному холопству, чем зависимость «ся давшего» человека.

Этот последний стоит как бы посередине между персонажами Правды и Правосудия. То, что он получает, «дани себя» в «службу», это уже не «дани-милость» ст. 111, погашаемая годичной работой, но это еще и не «задаток» Правосудия, ставящий получателя на грань обельного холопства. Зависимость «ся давшего» человека, выросшая из отношений по даче-милости, — особое явление, отражающее дальнейшее развитие отношений зависимости в XIII—XIV вв. Распространение этого явления в русской жизни не только породило новые тексты в составе юридических сборников XIV в., но и привело к переосмыслению старого текста Правды. Именно этим объясняется, как мне кажется, появление в Карамзинской группе списков Правды отчетливого нового термина «вдача». В таком термине не нуждались составители протографов и редакций XII—XIII вв.: необходимость его определялась дальнейшим развитием отношений, связанных с «тошным временем», и распространением особого типа «службы», отраженного в статье «О человеце и о жене». В Карамзинской группе списков эти отношения были, наконец, обозначены новым специфическим термином. Именно с данного времени можно говорить о «вдачестве» в точном смысле слова как об особой форме отношений феодальной зависимости. Это новое «вдачество», «вдачество по «службе», имея корни и отдаленный прообраз в старом «вдачестве» XII—XIII вв. — «вдачестве по «милости», представляет собой, как я старался показать, качественно новое явление, свойственное развитию феодальных отношений на Руси XIV—XV вв.

Г. В. АБРАМОВИЧ

ПОГАНАЯ ПИСЦОВАЯ КНИГА

Название «Поганой книги» было присвоено спискам бывших княжеских и боярских холопов-послужильцев, помещенных в последней четверти XV в. в Вотской палате Великого Новгорода писцом Дмитрием Китлевым по указу великого князя Ивана III. В исторической литературе эти списки более известны под названием «выписей» из писцовой книги Дмитрия Китаева 1500 г.